

Лу Юньчжэнь паниковал все больше и больше по мере того, как понимал, что попал в логово демонов!

Куда эти демоны собираются его обманом увезти? Где его ученик Чанкун? Неужели его постигла беда?!

С вершины утеса донесся оглушительный взрыв, и вся гора начала рушиться. Зловещая и ужасающая аура жажды крови, пропитанная невыразимым отчаянием, постепенно распространялась вокруг, словно наступил конец света...

Раздался душераздирающий крик девятихвостой лисы.

Цзин Юну исчез.

О местонахождении Мо Чанкуна ничего не было известно.

Лу Юньчжэнь, услышав эти звуки, еще больше занервничал и начал отчаянно звонить Мо Чанкуну, но никак не мог до него дозвониться... Лица окружающих демонов становились все более испуганными, они бежали все быстрее, и в их речи все чаще мелькали слова вроде «демон пробудился», «сейчас будет пожирать людей». Он понимал, что здесь что-то не так...

Эти демоны с недобрыми намерениями устроили ловушку, потратили большие деньги, чтобы обманом заманить их с учеником в свое логово. В этом определенно скрывается какой-то грандиозный заговор!

Лу Юньчжэнь не осмелился бежать вместе с демонами, да и окрестности были ему незнакомы, и он не знал пути. Ощущение небезопасности нарастало. Он начал хладнокровно обдумывать ситуацию и решил встретиться с Мо Чанкуном, чтобы сообщить ему правду и вместе попытаться выбраться.

Он внимательно следил за происходящим, делая вид, что сотрудничает с демонами, а затем, воспользовавшись хаосом, постепенно начал замедлять шаг. Проходя мимо леса, он, удачно воспользовавшись моментом, свернул в чащу, схватил крепкую палку и поспешил в сторону, куда исчез Мо Чанкун.

- Ученик, не волнуйся! Я иду тебя спасать!

...

У разрушенного утеса Ху Суй уже принял свою истинную форму яо. Его длинная белоснежная

шерсть была заляпана кровью, а в золотых глазах зверя светилась настороженность. Он крепко прижимал к себе бивань, сделанный из человеческих костей, отступая шаг за шагом, с жалкой улыбкой на лице, стараясь подобрать слова для оправдания и найти выход из безвыходной ситуации:

— Старший брат, это не я...

— Ха, когда ты вносил изменения в клеймо для шизуна, ты уже устроил мне психологическое внушение, да? Действительно, ты — великий лис, достигший высот в своей практике, да и играешь отлично... - Мо Чанкун парил в воздухе, с удовлетворением рассматривая свою окровавленную левую руку, в которой еще шевелилась цепь для связывания демонов, змеясь в ране и причиняя каждое мгновение невыносимую боль, что помогало ему оставаться в сознании:

— Ты притворялся неуклюжим, намеренно допускал ошибки раз за разом, чтобы я в состоянии крайнего напряжения сам ослабил защитные силы и снял защиту от демонической силы... А затем использовал свечу медитации, чтобы снизить мою бдительность и оборону против иллюзий.

— Ты воспользовался моей неосведомленностью о современном мире, использовал слабость шизуна, который никогда не летал на самолетах, чтобы смело установить ловушку, изменив надписи на билетах и указателях в аэропорту с помощью иллюзии, и прямо под нашим носом изменил пункт назначения...

— Ночной рейс и густые облака, герметичное пространство самолета полностью дезориентировали меня, не позволив мне понять, где я нахожусь, и привели прямо в твою ловушку — огромную иллюзорную формацию.

— Это не гора Чисяо и никакого курорта Хуншишань здесь нет, все, что ты видишь — всего лишь иллюзии... Ты был небрежен и оставил следы, поэтому в супе шизуна появился несуществующий вкус перца, а на обочине дороги выросли золотые цветы феникса, которые не могут расти в местах с сильным инь...

— Это Цинцю, родина клана лис, самое подходящее место в мире для создания иллюзий.

Мо Чанкун вызвал бесчисленные потоки мечей, которые мгновенно разорвали слои защитных барьеров, установленных в горном обрыве. Красно-алые скалы раскрыли свою истинную природу — ярко-зеленую растительность, донесли крики чаек, и ветер сменил свое дыхание, наполнив воздух запахом моря.

Все было ложью.

Цветы Туолин в «Пещере Великого Инь» использовались для усиления иллюзии, а оставленные следы важных «воспоминаний» лишь притупили его чувства, заставив его поверить, что он

находится на горе Чисяо. Используя съемки съемочной группы, они заманили его в центр ловушки. И тогда он увидел призрачного паука, который исчез без следа, а созданные защитные барьеры утратили свою силу... Перед глазами и в ушах возникали странные и необъяснимые явления, и после того, как он начал сомневаться в себе, ему показали «смерть» его шизуна.

Его восприятие реальности полностью сбилось, он перестал доверять собственным глазам. Мо Чанкун принял реальность за сон и решил освободиться. Ху Суй воспользовался этим моментом, чтобы заменить реальность сном, погрузив его в гипнотический сон и пробудив воспоминания.

Это был секретный метод усыпления разума лис Цинцю.

- У меня не было выбора, кто бы мог подумать, что ты утаишь правду о том, что случилось в те годы, и не захочешь признаться, а только отрицал все, — Ху Суй понял, что оправдываться бесполезно, одна из струн его пипы внезапно оборвалась. Он нежно провел пальцами по оставшимся струнам и с горечью пожаловался, - Я тоже не хотел, чтобы все зашло так далеко, но старший брат слишком силен. Без введения тебя в ловушку Цинцю, я бы никогда не смог контролировать твои сны.

- Не лезь не в свое дело, правда тебя не касается! - Мо Чанкун уже погрузился в ярость, сцена гибели шизуна буквально обожгла его глаза. Мучительная боль от цепей на запястьях заставила его желать разорвать эту наглую лису на части.

Черный меч появился в его руке, наполненный жадой убийства.

В голове Ху Суя внезапно возник образ того лиса Цинцю, которого старший брат разорвал на куски много лет назад. Он осознал, что Мо Чанкун может убить его.

Пипа, которую он держал в руках, называлась «Хуосинь» и являлась его личным магическим артефактом. С самого рождения у него был дефект в теле, поэтому он не мог развивать боевые навыки и сосредоточился на изучении иллюзий и ловушек, которыми славился народ Цинцю.

Ху Суй отчаянно начал дергать струны, пробуждая иллюзорные, защитные, сновидческие и запутывающие ловушки... Бесчисленные древние заклинания и барьеры, скрытые в Цинцю, ожили и начали окружать всю гору.

Черный меч с яростью вонзился в пипу, разнеся ее вдребезги, а затем пронзил тело Ху Суя. Он издал душераздирающий крик, вернувшись в лисью форму, его голова бессильно упала, и он замер.

Мо Чанкун поднял «труп» лисы, принялся к нему и со всей силы бросил его о каменную стену. Лиса тут же превратилась в гнилое бревно.

- Опять прикидываешься мертвым! — воскликнул он.

Вот в чем проблема с лисами из Цинцю. Они мастерски умеют ускользать, и невозможно определить, где находится их настоящее тело. Иллюзии Ху Суя достигли своего пика: он мог создавать любые вещи, которые неуловимы для глаза и неразличимы на слух. Он мог быть камнем, деревом, птицей, тенью... и в одно мгновение исчезнуть.

— Если не могу отличить, значит, уничтожу все!

Черный меч в руках Мо Чанкуна взвился в воздух, рассыпаясь в тысячи лезвий, которые сплелись в сеть, с плотностью, от которой невозможно ускользнуть, и начали беспорядочно уничтожать все вокруг. Скалистые стены рухнули, гигантские деревья обрушились, камни разлетелись в стороны. Все вокруг, будь то птицы, звери, цветы или грибы, попало в сеть мечей и было разрублено, прежде чем можно было определить подлинность.

Самая жестокая атака разрушает самые сложные ловушки.

Ху Сую некуда было скрыться. Его настиг один из ударов, и он, проявив свое истинное тело, упал с высоты. Ранее он неоднократно использовал иллюзии, чтобы изменять восприятие Мо Чанкуна, а также потратил много своей демонической энергии на расстановку ловушки в Цинцю, и теперь его меридианы уже не могли функционировать, а руки и ноги утратили способность двигаться.

- Старший брат... - он опустил уши, подергал носом, осторожно двигая парализованными конечностями, показал жалобное выражение и со слезами на глазах сказал, — Прости А-Суй в этот раз, А-Суй больше так не будет.

Это был его фирменный прием с детства, усиливаемый очарованием лис из Цинцю. Даже если он наделал много бед и совершил массу злодеяний, на эшафоте он мог бы разжалобить палача до мягкости... Этот прием лучше всего действовал на шизуна, но и со старшими братьями сработал бы, позволив ему избежать смерти и отделаться тяжелыми ранениями.

Гнев Мо Чанкуна не утихал:

— Я уже признал свою вину, зачем вы все еще копаетесь в том прошлом?!

Он не хотел, чтобы кто-то узнал детали...

Для окружающих шизун был жертвой, принужденной и обманутой учеником, не имевшим ни капли добровольного участия — чистым, невинным, и этого было достаточно!

— Что вы хотите узнать? Насколько я наслаждался, издеваясь над шизуном?! Или сколько извращений я заставил его терпеть?! — Мо Чанкун, снова погрузившись в ярость при мысли о

тех воспоминаниях, которые чуть не были раскрыты, закричал: — Шизун не такой, как мы, бесстыдные твари! Не смейте его позорить, как будто он ничтожество!

Ху Суй помолчал немного, затем тихо сказал:

— Старший брат, ты страдаешь от сердечного демона, почему ты не сказал этого? Сказал бы шизуну или попросил нас помочь тебе найти решение...

- Что я должен сказать? Есть только три способа справиться с внутренними демонами. Ситуация, в которой мы находились, и характер шизуна — разве ты до сих пор не понимаешь? — с насмешкой произнес Мо Чанкун, - Откровенность — это обоюдоострый меч. Когда ты его вынимаешь... больше всего страдаю не я.

Шизун чрезмерно баловал своих учеников, готов был взять на себя всю ответственность и возлагал на него огромные ожидания. Если бы он с самого начала знал, что его ученик страдает от внутреннего демона, и если бы выяснилось, что все это связано с тем, что проклятие призрачного паука не было полностью снято...

Путь Меча требует ясного разума, свободного от посторонних мыслей. Если внутренний демон не будет устранен, все надежды будут разрушены, и путь к Небесам будет навсегда закрыт. Отказ шизуна мог бы привести к тому, что ученик не смог бы контролировать бушующую в его теле убийственную энергию, утратил бы рассудок и совершил бы еще более страшные и опасные поступки.

Принятие шизуном такой ситуации обернулось бы невыносимыми потерями: утратой репутации, друзей, всего, что было важно... Пик Уцзянь также покрывся бы позором, и Цзиньянь с А-Суем оказались бы втянуты в это...

Если бы он умер, а шизун остался бы жив... тот, несомненно, искал бы правду о его смерти, что стало бы узлом, который завязался бы на сердце, нарушая его покой.

И, наконец, самое страшное и нежелательное для него завершение... Шизун мог бы пожертвовать собой, чтобы разрубить внутреннего демона, обеспечив своему ученику высшее Дао меча...

Сердечные демоны становились все сильнее, мысли все более путались. Он выбрал самый неверный путь, от которого уже не было возврата, оставалось лишь упорно идти до конца.

Только если бы шизун возненавидел его, объявил его неблагодарным зверем и убил, разорвав таким образом все связи между ними, только тогда это стало бы лучшим исходом для всех. Его бы осудили как пример павшего ученика, и это была бы идеальная развязка.

- Я колебался, и это привело к катастрофе, — Мо Чанкун горько усмехнулся, глядя на свои

окровавленные руки, - Что касается вас, я пытался что-то сказать... но вы все думали, что я шучу. Цзиньянь говорил, что во имя справедливости нужно пожертвовать родными, а ты называл меня дураком!

Об этом виде сердечного демона трудно сказать. Он и сам не умел выражаться, говорил так, что его не понимали. Никто не задавал ему уточняющих вопросов, никто не пытался помочь...

- Ты не думал, что мог оказаться в ловушке? — в ярости выкрикнул Ху Суй. — Этот человек, по имени Мин Цзинь, выглядит подозрительно. Он специально провоцировал тебя...

- Я думал об этом, я думал об этом снова и снова в течение 10 000 лет в Чистилище и, возможно, некоторые совпадения действительно подливали масла в огонь, но ничего не изменилось, — Мо Чанкун покачал головой и уверенно произнес, - Проклятие призрачного паука было случайностью, сильное желание неизбежно порождает внутреннего демона, а преступления, совершенные мной, — это моя вина. Мин Цзинь... во время событий на Огненной Горе он пытался остановить меня от совершения ошибки, а затем погиб...

Законы небес признали его виновным, и это не подлежит сомнению. Даже если были какие-то другие причины, максимум, что они могли сделать — это сократить срок с десяти тысяч лет до девяти тысяч, но это не имеет большого значения. Теперь он уже отсидел свой срок, шизун потерял все, и зачем снова ворошить старые счёты?

— Шизун заботится о тебе, он не позволит мне убить тебя, поэтому... пусть это будет в последний раз, — Мо Чанкун глубоко вдохнул, используя боль в запястье, чтобы сдержать безумное желание убить. Он убрал ногу и тихо отругал, — Ты слишком глуп, чтобы создать такую изощренную ловушку. Это дело рук Цзиньяня? Впредь держись подальше, мои дела тебя не касаются!

— Не касаются?! Мо Чанкун! Ты бессердечный ублюдок! — глаза Ху Суя налились кровью, он больше не мог сдерживаться. Оскалив клыки, он яростно бросился вперед, чтобы укусить его, — За одну ночь Пик Уцзянь исчез, шизуна больше нет, у меня и Цзиньяня нет дома, и ты смеешь говорить, что это тебя не касается?!

Крупные капли слез стекали по его лицу.

Почему?!

В детстве его бросил родной клан лис, и шизун нашел его, вырастил, вылечил от врожденных недугов, помог справиться со страхом быть покинутым. Каждый день был наполнен радостью... Шизун брал его на рыбалку, на пикники, старшие братья, хоть и были суровыми, но защищали его, не позволяя посторонним обидеть, давая ему возможность жить беззаботно и счастливо...

Счастье, спокойствие, красота.

Он думал, что так будет всегда, пока не узнал о том, что произошло между старшим братом и шизуном... Тогда он еще мало что понимал, просто испугался. Но вскоре правда всплыла наружу, и весь его мир перевернулся.

Старший брат оказался в тюрьме, шизун погиб, второго брата и его самого отправили в разные места... Он был в замешательстве, внезапно потеряв дом.

Леди Цзинь Лин была готова заботиться о нем, но ведь он не был ее прямым учеником, и она могла лишь гарантировать, что с ним не случится ничего серьезного. В секретной долине Вань-Яо было полно демонов, и каждый из них был хитроумным и опасным. Ху Суй терпел множество обид, вынужден был учиться выживать, притворяться и вести себя, как послушный ребенок.

— Перед тем как уйти... шизун вырезал свою мечевую кость и отдал ее Цзиньяню, чтобы помочь ему преодолеть последний барьер его таланта, а всю оставшуюся духовную силу передал мне, чтобы я мог контролировать свои конечности и защитить себя, — лицо Ху Суя было в слезах, он с ненавистью смотрел на стоящего перед ним мужчину и с усмешкой продолжал, — В конце концов, шизун отдал свою жизнь тебе, чтобы дать тебе шанс начать все сначала...

Мо Чанкун был потрясен до глубины души:

— Я... я не знал...

— Ха, вот такая у нас удача, такая удача, что я стал великим яо! — Ху Суй смеялся до изнеможения, едва дыша, — Старший брат, я желаю тебе удачи каждый день, пусть она никогда тебя не покидает!

Мо Чанкун растерянно смотрел на него, открыл рот, но не знал, что сказать.

- После падения нашего шизуна Цзиньянь усердно тренировался, наконец достиг единения с мечом, отбросил смертное тело и вошел в мир бессмертных... А затем этот славный мечник пошел работать с документами, — Ху Суй, излив свою ярость, лежал на земле и тихо произнес, — Он был убежден, что в том происшествии была какая-то загадка, не хотел сдаваться и стремился перевернуть дело, расследуя его целых десять тысяч лет.

Мо Чанкун пробормотал:

- Это было не нужно...

Ху Суй усмехнулся:

- Ты что, не знаешь его характера? Он всегда был упрямее камня. И не стоит льстить себе, он

хотел спасти шизуна, а ты был лишь ненужным грузом!

Его руки и ноги были совершенно бессильны, он не мог встать, не мог идти, будто снова вернулся в детство, когда каждый день лежал на траве и скучно считал звезды на небе.

Шизун рассказывал ему истории, как Пионовая Фея сражалась с лаской, как небесный полководец Чжан бил осеннего тигра палкой, как маленький лисенок искал своего отца. Все эти рассказы были выдуманы на ходу, одни из них были забавными, другие — не очень, но голос учителя был таким приятным...

Глаза Ху Суя наполнились слезами. Он каждый день думал о своем шизуне и мечтал вернуться домой.

.....

- А-Суй, пошли домой.

Мо Чанкун протянул руку, поднял неподвижного Ху Суя с земли, слегка обработал его раны, затем закинул его на спину и молча пошел вниз по горной тропе.

Ху Суй тихо всхлипывал, не сопротивляясь, и вдруг вспомнил, как много лет назад он попал в руки лисьего демона и чуть не был использован для приготовления эликсира... Тогда его нашел старший брат, убил лиса и вытащил его, плачущего навзрыд, на спине, чтобы вернуть домой.

Когда его унес черный гриф, старший брат нашел его в гнезде на утесе. И даже когда из-за своей красоты и наивности он много раз сталкивался с похитителями и злодеями, старший брат каждый раз приходил ему на помощь...

Старший брат всегда говорил ему:

«А-Суй, пошли домой».

Ху Суй, облокотившись на плечо старшего брата, задумчиво вспоминал далекие времена, его взгляд был слегка затуманен, а сердце — пусто. Он не знал, что сказать.

Горная тропа была темной, но шаги уверенными. Звезды сияли по всему небу, Млечный Путь указывал дорогу...

Мо Чанкун тихо произнес:

- А-Суй, прости меня.

Самый гордый из великих демонов изрек самое неуклюжее извинение, скрывая свои чувства глубоко внутри, но вовсе не оставаясь равнодушным.

В глазах Ху Суя внезапно снова появились слезы, он сильно прижался к спине старшего брата, отчаянно пытаясь стереть свою обиду, испачкав при этом его одежду...

Тысячелетняя боль и ненависть больше не имели значения.

Если на Пике Уцзянь кого-то не хватает, это не дом.

Он возвращается домой.

...

Лу Юньчжэнь был в растерянности.

С этой горой что-то не так, кроме множества демонов повсюду были ловушки. Он бежал и вдруг услышал с вершины горы жалобные крики Ху Суя, с тревогой решив проверить, что происходит... Еще раз, его зрение было отменным, и уже на полпути он увидел огромного девятихвостого белого лисьего демона, который в небе перебирал струны таинственной пипы. В ту же секунду, в лесу засияли бесчисленные древние формации, слой за слоем, повсюду...

Одна из них оказалась прямо у него под ногами...

Магическая формация была покрыта божественными символами, среди которых он с трудом смог различить иероглиф «сон». Не успев сбежать, он был мгновенно втянут в этот круг, и затем, словно во сне, погрузился в странный и жутко реальный мир.

Во сне он оказался в темной пещере, где не видно было даже собственной руки. В воздухе витал сладкий аромат, напоминающий смесь орхидеи и османтуса.

Его тело сильно болело, голова была тяжелой и мутной, и он не мог понять, что происходит и где он находится. Костюм в старинном стиле был давно разорван, а длинный парик, казалось, стал настоящими волосами. Несколько прядей случайно были вырваны, и он почувствовал боль в коже головы. Что было еще страшнее, ему приснилось, что его прижал к земле безумный мужчина, делая с ним что-то неприличное, причем он сам оказался в подчиненной роли...

Теплое прикосновение тела, низкий голос, крепкое телосложение.

Он понял, что этим мужчиной был Мо Чанкун.

Этот сон был совершенно нелогичным!

Лу Юньчжэнь настолько перепугался, что его разум практически завис. Он пытался успокоиться, еще больше успокоиться, стараясь обдумать ситуацию и найти способ выхода.

До того как началось движение, он мог бы попытаться вырваться и сбежать. После того как все закончилось, он мог бы заплакать.

Но сейчас, когда все шло полным ходом, с мощной тягой, впереди был долгий путь без конца, двери были заперты, ремень безопасности не расстегивался, как в такой ситуации можно спастись?!

В такой ситуации... Какое, к черту, спокойствие!

На помощь! Дорогой ученик, останови это! Твой учитель сейчас умрет из-за тебя, а-а-а-а!

<http://bllate.org/book/13607/1206735>